

Жорж Нива: Исповедь русофила, от Сталинграда до Ирпени | Georges Nivat : Confession d'un russophile, de Stalingrad à Irpin

Author: Жорж Нива , [Женева](#) , 03.12.2025.

Профессор Жорж Нива Photo © Nashagazeta

12 ноября 2025 года почетный профессор Женевского университета, хорошо

известный читателям Нашей Газеты, выступил на Русском кружке с докладом, приуроченным к собственному 90-летию. Речь шла не о подведении итогов, а лишь об осмыслении происходящего в контексте богатой событиями и встречами жизни выдающегося слависта. Для тех, кто не смог лично послушать профессора Нива, предлагаем краткое содержание выступления.

|

Le 12 novembre 2025, le professeur honoraire de l'Université de Genève, bien connu des lecteurs de *Nasha Gazeta*, a donné une conférence au Cercle russe, à l'occasion de son 90e anniversaire. Il ne s'agissait pas de dresser un bilan, mais plutôt d'offrir une réflexion sur le cours des événements, une réflexion replacée dans le contexte d'une vie riche en rencontres et en expériences, celle d'un éminent slaviste. Pour ceux qui n'ont pas pu écouter le professeur Nivat en personne, nous proposons un bref résumé de son intervention.

Georges Nivat : Confession d'un russophile, de Stalingrad à Irpin

Начну со слова «Сталинград». В Клермон-Ферране, моем родном городе, мои родители каждый вечер как можно тише слушали Би-Би-Си. И слово «Сталинград» стало повторяться в их разговорах – сначала с тревогой, потом с надеждой, а затем и с радостью. Это было первое связанное с Россией слово, которое я узнал.

Много лет спустя я был в Сталинграде и жил в соседней Сарепте – бывшей немецкой колонии, ныне входящей в состав Волгограда. Я видел Мамаев Курган. Это памятник огромный, пафосный, но впечатляющий. Я долго блуждал по нему и был потрясен приблизительно также, как был потрясён в Яд-Вашеме в Иерусалиме. Но лучший, более правдивый памятник Сталинграду – это памятник литературный, роман Василия Гроссмана «Жизнь и Судьба». Незабываемая глава «Дом Шесть дробь один» – гнездо человечности и крепость мужества в сталинградском пекле. Друживший с Гроссманом Семен Липкин рассказывал, что как-то, когда они гуляли по берегу Волги, Гроссман сказал ему: «Эта война смывает всю сталинскую грязь с лица России. Святая кровь этой войны очистила нас от крови невинно раскулаченных, от крови 37 года». Думаю, многие россияне той поры так думали, верили в новую Россию. Этого не скажешь о сегодняшней войне, которая не смывает грязь и стыд, которые останутся.

Возвращаюсь к 1943–43 годы. Мой отец, еврей по матери, был уже уволен правительством Виши и вместе с моей бабушкой, родившейся в Эльзасе, ждал ареста. О нем идёт речь в фильме Марселя Офюльса «Горе и жалость» («Le Chagrin et la Pitié») 1969 года, причём сам отец участвовать в съемках отказался – из застенчивости. Это легендарный фильм об оккупации Франции, в данном случае города Клермон-Феррана. Я помню страх моей матери 25 ноября 1943 года и то, как я переживал вместе с ней. Была уже ночь, а мой отец не возвращался из университета. Гестапо согнало туда всех, и преподаватели, включая моего отца, ждали своей очереди – кого арестуют, кого отпустят. Арестован был друг моего отца, известный ученый-славист Борис Унбегаун – он был профессором Страсбургского университета, тогда нашедшего убежище в Клермон-Ферране. Отправили его в Бухенвальд, но он выжил, и я был его студентом в Оксфорде. Именно от него я узнал подробности той ночи 25 ноября 1943 года.

Профессор Жорж Нива Photo © Nashagazeta

Но до него меня приобщали к русскому языку два беженца. Первый – немец, беженец из Тильзита Георг Буддрус. Это случилось во Франкфурте-на-Майне, мне было 14 лет. Георг, будущий известный лингвист, был старше меня на 6 лет. Он тогда купил только что вышедшее «Избранное» А. Н. Толстого, где был его последний рассказ, «Русский характер». И вот Георг читал мне «Русский характер», и я запомнил заключительные слова: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придёт суровая беда, в большом или в малом, и поднимется в нём великая сила – человеческая красота.» Из этого текста я узнал, что русские вообще предпочитают пафос правде. Но я полюбил Алексея Николаевича Толстого за его блестящий стиль. «Детство Никиты» – шедевр. Позже я познакомился с Никитой Алексеевичем в Бретани у Ефима Эткинда, а в Сорбонне я посвятил свою дипломную работу «Хождению по мукам». На его примере я узнал, как могут сосуществовать «гений и пигмей», по выражению Семена Липкина.

Вторым моим учителем был беженец с Кубани, из Новочеркасска, совсем простой человек Георгий Никитин, о котором я написал «Подарок Георгия Георгиевича» (подарок этот – русский язык). Он был из крестьянской семьи, жил по соседству с козаками и оставил мне трогательный рукописный текст страниц на двести, в котором объяснял, какая была счастливая жизнь в его деревне до гражданской войны. И он мне сказал: «Раз ты по-русски еще дитя, возьмём детские рассказы Льва Николаевича Толстого», и мы взяли рассказ «Филиппок». Спасибо ему!

Сыграл роль в моей жизни русиста еще один беженец, из Петербурга – Николай

Оцуп, сын фотографа Николая II. Его «Дневник в стихах» читается с интересом и сегодня. Между прочим, он нёс гроб Александра Блока на похоронах поэта в 1921 году. Дневник оригинально сочетает юмор и страх, театральность и искренность, а главная его тема – скитания по Европе и по культурам Европы. Оцуп был учеником Гумилёва, другом Поплавского и Варшавского, автора «Незамеченного поколения».

О моем учителе Пьере Паскале я много [писал](#), назвав его «католическим большевиком». Вот кто по-настоящему был русофилом! В 1911 году он из Франции отправился в Одессу, далее в Киев, в Нежин, но не императорский лицей его увлекал, а христианско-рабочее братство Неплюева. Паскаль был учеником Марка Санье во Франции, сторонником социального христианства. Президент Франции Жорж Клемансо отправил его в Россию в качестве военного атташе, он видел Николая Второго. После свержения старого режима французская военная миссия отправила его в Сибирь следить за Чешским Легионом, но он был возмущён восстанием Легиона в Омске и вернулся в Москву по «взвихрённой России», как пишет Ремизов, с которым он тесно подружился позднее. Но посол и военная миссия Франции вскоре уехали в Архангельск и дальше во Францию. Паскаль ослушался и остался, став большевиком по религиозным соображениям – коммунизм для него был осуществлением христианства первых общин христианских...

Когда партийная комиссия со Стасовой и Бухариным вызвала его, чтобы он объяснил, почему он каждое утро ходит на мессу, Паскаль ответил, что по экономическим вопросам он марксист, а по философским – ученик Фомы Аквинского. Не удивительно, что НЭП его разочаровал, он нашёл скромное убежище в Институте Маркса-Энгельса- Ленина. Там он разбирал архив Бабефа, купленный в Париже Луначарским, и там же он открыл посреди Гималаев арестованных книг «Житие Протопопа Аввакума». И увлекся им навсегда. В конце концов он вернулся во Францию в 1933 году, в последний момент.

Профессор Жорж Нива Photo © Nashagazeta

В 1956 году Паскаль благословил меня на поездку в Советский Союз – Москва пахла тогда нерафинированным бензином и удивляла меня многими деталями. Я был студентом Николая Калининвича Гудзия, академика Украинской Академии Наук. Устроился в общежитии на Ленинских горах. Моим соседом был украинец, физик Саша – моя стипендия была в десять раз больше, чем его. Мы вместе съездили к его родителям в совхоз близ Харькова. Это было моё первое знакомство с Украиной.

В Москве случилось одно из главных событий в моей жизни – знакомство с семьёй Ольги Всеволодовны Ивинской, с ее дочерью Ириной и сыном Митей. И с Борисом Пастернаком, которого там звали «Классик». Классик меня полюбил – я был женихом Ирины. Он даже навещал меня, когда я жил один в Баковке, где снимал комнату у колхозников. Он писал свою пьесу «Слепая красавица», рассказывал о своих встречах, дал мне читать еще не опубликованного «Доктора Живаго». Он, встречаясь с нищими и попрошайками, всегда давал милостыню и долго беседовал. Нам он часто рассказывал об этих встречах и о визитах знаменитых людей, например, со смехом и юмором говорил о [баронессе Будберг](#), бывшей любовнице Горького, и «железной женщине» по Нине Берберовой.

Всё это кончилось для меня высылкой из СССР накануне моего брака с Ириной, уже после подачи заявления в ЗАГС. Шестеро офицеров увезли меня в аэропорт и посадили в поздний самолёт в Хельсинки 6 августа 1960 года.

В следующем году я вновь оказался в Оксфорде, где подружился с Георгием

Михайловичем Катковым, внучатым племянником великого Каткова, издателя Достоевского и многих других. Позднее Каткова увидел и полюбил Солженицын и переиздал его книгу «Россия 1917 года» в Библиотеке русской памяти с собственным предисловием. В Оксфорде я был студентом не только Унбегауна, но и знаменитого сэра Исая Берлина, который принимал меня у себя, и я пользовался его огромной библиотекой. Когда французский перевод его книги «Russian Thinkers» вышел в Париже, газета Le Monde заказала у меня рецензию. На мой взгляд, Берлин давал не совсем верную картину русской мысли. То есть он с пылом показывал левую картину диптиха – западников, но правая – славянофильская – отсутствовала. При глубоком почтении к Исая Берлину, я написал тогда, что русская мысль – двуликий Янус, но сэр Исая отсек один лик. Мой бывший мэтр чуть обиделся и прислал мне длинное интересное письмо – оно в полном собрании его сочинений.

И еще один важный эпизод той поры: Хрущев выпустил тогда двух молодых поэтов-авангардистов, Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского, и они выступали в огромном Альберт-Холле, набитом битком, из шеститысячной аудитории по-русски понимали несколько сотен человек. Но эффект был титаническим! «Я Гойя! Я – горе. Я голос – войны, Я – голод, Я – горло...» в прочтении Вознесенского вызвало бурю криков и рукоплесканий. Это было событие – поэзия открывала границы, поднимала земной шар... С обоими я подружился и общался до конца их жизни.

Долгое время я был невъездным в СССР, но Хрущёв, а потом Брежнев дарили нам такое множество замечательных диссидентов, что можно было думать, что к нам прибыла «Россия присутствующая», а там осталась «Россия отсутствующая» – если прибегать к формуле Владимира Вейдле. Это были Виктор Некрасов, Владимир Максимов, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Эрнст Неизвестный, Андрей Амальрик и многие другие. Андрей Амальрик погиб 45 лет тому назад – он ехал в Мадрид протестовать на конференции по третьему пакету Хельсинских соглашений.

Не могу не упомянуть Владимира Слепьяна, математика, художника и поэта, моего близкого друга. Я помогал ему в некоторых его «акциях», когда он на улице в Париже при публике расписывал сто метров рулона бумаги какой-то метлой, а я стоял рядом с бочкой чернил. Слепьян автор рассказа «Сукин сын» – монолога пса, умирающего у входа в парижское кафе «Flore»: «Кричите все вместе, повторяйте за мной!! СПАСИТЕ!» И сам умер как пёс на улице Парижа.

Моя дружба с четой Синявских была парадоксальной и тесной. Андрей Донатович и Мария Васильевна хотели вылечить меня от Солженицына. «Мы Вас вылечим, Ниватик». Я переводил «Вместе с Гоголем» Андрея и сам пробовал вылечить его от зависти к Солженицыну. Не удалось вылечить ни мне его, ни им меня. Но от этого дружба не страдала – наоборот...

Пора сказать пару слов о Женеве. После моего избрания профессором Женевского университета меня очень дружелюбно встретили три писателя. Первый – Вадим Леонидович Андреев, сын Леонида Андреева. Его отец написал знаменитый «S.O.S.», пронзительный крик о спасении России от большевизма. Но Вадим Леонидович был «возвращенец» в том смысле, что он взял советский паспорт, хоть и не вернулся на родину. Этот невернувшийся возвращенец чего-то боялся, но ему было приятно, что в Советском Союзе его книги издаются. Его жена, Ольга Чернова, была дочерью Виктора Чернова, основателя партии эсеров и председателя Учредительного собрания в те два дня, что оно заседало в январе 1918 года. В одной из поездок в СССР они нелегально вывезли одну копию романа Солженицына «В круге первом», а их сын Саша позже провёз [«Архипелаг Гулаг»](#). Но, увы, их дочь Ольга повела себя

очень некорректно в отношениях с Александром Исаевичем, начала судебный иск против него и после длинных перипетий проиграла. Она занимает немало места в «Угодило зёрнышко промеж жерновов». Первый жёрнов – коммунизм, второй – жадный и запад. Ольга Карлайл-Андреева – один из представителей второго.

Второй встретивший меня в Женеве писатель – Марк Слоним, масон и самый молодой депутат того самого Учредительного собрания, что возглавлял отчим Ольги Черновой. Третьим был Сергей [Варшавский](#), автор «Незамеченного поколения», друг Поплавского и Оцупа, участник сопротивления во Франции, как и Вадим Андреев.

С помощью этих троих ангелов-хранителей я сразу же стал возглавлять учреждённый за три года до моего появления в Женеве Русский кружок. Приглашал писателей-эмигрантов, а при перестройке стал приглашать и писателей из Советского Союза. Приезд Владимира Солоухина оставил след, потому что его наказали, когда он вернулся – забрали загранпаспорт. Солоухин – хороший представитель тогдашнего нового «почвенничества», как говорили братья Достоевские, то есть «деревенщиков», как стали говорить уже в его время. Принадлежали к деревенщикам Абрамов, чей роман «Братья и сестры» гениально инсценировал в Ленинграде Лев Додин, Валентин Распутин, тонкий писатель, хотя его последний роман «Пожар» чуть-чуть страдает от душка расизма против кавказцев. Был у нас в гостях и Астафьев, автор грандиозного романа «Царь-рыба» и «Печального детектива». Я был у него в Красноярске, и он меня взял с собой в свою Овсянку – была зима, Енисей замёрз, и не было у него на даче другого «топлива», кроме национального напитка.

Дальше – крушение коммунизма. В России новая эпоха, когда можно, следуя совету Гоголя, «проездить по России». И мы с моей женой Люсиль проехали вдоволь. Гоголь считал, что, путешествуя по России, можно устранить много ссор и споров, а «все теперь перессорилось». Слова Гоголя в то время, время Ельцина, казались очень меткими. Свобода ездить по российским просторам стала для меня и для Люсиль невероятным счастьем. В Красноярске побывали у Астафьева, в Иркутске – у Распутина. А еще в Хабаровске, во Владивостоке, в Архангельске, в Чите, в Благовещенске, в республике Тува. Побывали на Псковщине у Якова Гордина. И еще на Соловках зимой и осенью, в Медвежьегорске и Сандармохе. В Сандармохе мы с женой оказались одни – это место захоронения сотен тысяч зеков, которых заставили пешком пройти 250 км от побережья Белого моря. Уже тогда сидел в тюрьме Юрий Дмитриев, который нашёл массовые спрятанные могилы. Лес казался собранием похоронных столбов-памятников. Увы, сегодня Дмитриев все еще сидит!

А дружба с Сергеем Юрским, другом Шимона Маркиша! В фильме «Чернов» он назвал маленький вокзал кольцевого железного пути Москвы «Эзри», и это шуточно и мистически связывает мою савойскую деревушку с Москвой фантастической, Москвой Воланда.

... И вдруг – Специальная Военная Операция, СВО, то есть вторжение в Украину. Массовые убийства и изнасилования в Буче и Ирпении. В Ирпении, где Борис Пастернак в 1931 году проводил летние каникулы и написал гимн счастью. «Ирпень – это память о людях и лете, о воле, о бегстве из-под кабалы». Ирпень, Буча, Мариуполь – уничтожены. Их население было методически убито, дети увезены и превращены в солдат для фронта. Что случилось с Россией? Конечно, даже в самые кошмарные периоды были герои-диссиденты. И есть диссиденты сегодня, но они – за границей, бежали из России. Внутри России кричать «Не могу молчать», как Лев Николаевич

Толстой в 1908-м, невозможно, кричит единицы. Их сажают немедленно.

Что касается меня, я стал серьёзно учить украинский язык лет шесть тому назад. Помогли ежегодные Успенские чтения в Киеве, учреждённые Константином Сиговым, и дружба с историками и философами – Мирославом Поповичем, Вадимом Скуратовским, Виктором Малаховым.

Я увлёкся вторым национальным поэтом Украины Василем Стусом, первым был Тарас Шевченко. Стус был молодым поэтом из Донбасса, авангардистом, приверженцем традиции «расстрелянного Ренессанса» 1920-х годов. Часть из них были расстреляны именно в Сандармохе, некоторые совершили самоубийство, горстка покорила, эти стали корифеями Сталина. Стус родился в 1938 году и умер в результате голодовки в лагере в 1985-м. Именно на Колыме он понял, что «жизнь есть миг исчезающий». Пребывание в аду колымском превратило его в европейского поэта. Как Байрон, Лермонтов, Целан и Мандельштам, он принадлежим к «обожжённым» поэтам. Работа над переводами Стуса помогла мне пережить сегодняшнюю катастрофу, давая мне возможность помочь Украине по мере моих сил. И ему спасибо!

[русская литература в Швейцарии](#)

[выдающиеся слависты](#)

[Женевский университет](#)

Статьи по теме

[«Россия вновь отсутствующая и присутствующая»](#)

[Жорж Нива – лауреат премии Фонда Леенаардс в области культуры](#)

[Жорж Нива о Солженицыне: «Остался голос писателя и пророка»](#)

[Жорж Нива: о Солженицыне, о времени и о себе](#)

[Нива с Невы, или Человек, живущий в русском языке](#)

[Читать Достоевского – это обмениваться крестами](#)

[Жорж Нива: «Россия находится там, где говорят по-русски»](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/35688>